«УГРЮМ-РЕКА»

К 90-летию Ярополка Леонидовича Лапшина

Ярополк ЛАПШИН

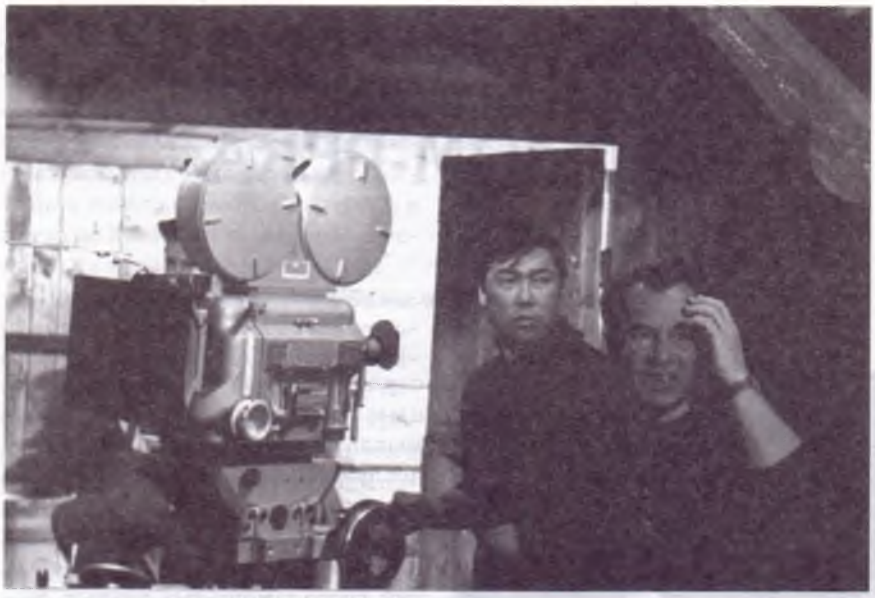
Из воспоминаний кинорежиссёра, народного артиста России Я.Л.Лапшина по магнитофонным записям бесед Л.Н.Эглита и Л.Д.Котельниковой с Я.Л.Лапшиным 1999, 2000, 2003, 2008 гг. Использованы материалы Музея Свердловской киностудии.

...После периода «малокартинья», когда Свердловской киностудии вновь было разрешено снимать художественные фильмы, одну-две-три картины создали московские режиссёры и операторы. Свердловчане, конечно же, учились у них и мечтали о своей самостоятельной серьёзной работе. Киностудия искала своё лицо. В этом плане поле деятельности было широкое – от Урала и до берегов Тихого океана. Материал богатейший – и исторический и современный! На студии сложилась редакционная коллегия, где работали специалисты, имевшие хорошее гуманитарное образование, толковые, стремящиеся к интересному делу.

Существовало общее мнение: надо сделать большую, увлекательную картину, такую, чтобы о ней сразу же заговорили, чтоб она давала представление о нашей студии – стала бы её своеобразным символом. Так родилась мысль об экранизации романа Вячеслава Шишкова «Угрюм-река» – произведения, которое сам автор называл «романом страстей», поскольку в нём было много событий, густо замешаных личных, бытовых, любовных проблем. В начале тридцатых годов, когда появилась книга, она имела широкий успех, поскольку очень увлекательна и читается легко. Правда, если говорить о достоинствах её языка, то, на мой взгляд, она несколько не дотягивает до классических образцов, но, тем не менее, книга была очень и очень востребованной.

Когда редколлегия студии обратилась в Российский Комитет по кинематографии с предложением об экранизации «Угрюм-реки», то получила отказ. Многие редакторы, да и сам председатель Комитета, имели склонность к произведениям на злобу дня – картинам о рабочем классе, о революционных событиях – идейно выдержанным, раскрывающим историю с классовых позиций, а в нашем будущем фильме вместо этого – треугольники какие-то романтические, личные конфликты и столкновения. В фильме-романе множество очень напряжённых сцен: между героем фильма Прохором Громовым и его отцом, Прохором и Анфисой, Прохором и приставом Андреевым, знавшим некую тайну рода Громовых. Одним словом, замешано всё это было круто и достаточно интересно, но нам отказали. Поэтому мы обратились на Центральное телевидение. Там работал молодой

* Полностью воспоминания Я.Л.Лапшина готовятся к выпуску в издательстве «Банк культурной информации».



На съёмках фильма «Угрюм-река».

редактор, тоже вгиковец, Валентин Селиванов, который стал горячим сторонником этой экранизации и даже взялся работать над ней.

Я приезжал в Москву и вдвоём с Селивановым мы готовили сценарий, отбирали эпизоды, которые казались нам наиболее интересными и важными для передачи духа этой книги. Наши коллеги на студии, просмотрев подготовленный материал, решили, что его можно представить редакции Центрального телевидения. Там тоже нашлись редакторы, которые горячо приняли эту идею и были на нашей стороне. И картина была утверждена в плане студии на ближайшие годы. Нам разрешили делать телевизионный фильм в 4-х сериях. Такого масштабного кинопроизведения Свердловская киностудия ещё не снимала, тем более, – для телевидения. Сам роман как раз давал пищу именно для телевизионного фильма: «роман страстей», с яркими характерами, с резкими поворотами, с детективным, по сути, сюжетом. Конечно, были и сомневающиеся, и противники идеи этой экранизации, но мы приступили к работе.

На студии тогда оставалось не так уж много специалистов, работавших в художественном кино, и потому картина была в какой-то степени дебютной. Оператором-постановщиком стал молодой выпускник операторского факультета ВГИКа Василий Кирбижеков – хакас по национальности. Своим удивительно ответственным отношением к работе он сумел достичь очень высокого качества съёмок. Тогда ведь ещё не было ни объективов с меняющимся фокусным расстоянием, ни сложных операторских кранов, но благодаря его настойчивости и изобретательности, даже сейчас, когда смотришь фильм, кажется, что картина снята совсем недавно.

Ещё в научно-популярном кино мы начали работать с художником Юрием Истратовым. Юрий Иванович – уроженец Свердловска. Закончил здесь художественное училище, затем художественный факультет ВГИКа и вернулся на родину. Это был человек очень талантливый, ответственный, авторитетный не только на киностудии, но и в кругах местных художников. Его уважали и ценили. Истратов был интересным и разноплановым художником и в то же время хорошим производственником: быстро понимал, что нужно, делал хороший эскиз декорации и тщательно следил за его воплощением. Всё выполнялось на высоком уровне. При этом денег на телевизионные фильмы выделяли значительно меньше, чем на фильмы, предназначенные для широкого проката, поэтому приходилось быть очень изобретательным, иногда идти на компромиссы, которые, наверно, не могли не сказаться на качестве фильма.

Вячеслав Шишков в своё время исходил всю Сибирь. В юности работал по землемерным делам, хорошо знал дикую природу Сибири. «Угрюм-река» как таковая не существует – это собирательный образ могучих уральских и сибирских рек. Ездить на съёмки в дикие, отдалённые места представлялось совершенно невозможным не только потому, что дорого, но мы ведь были связаны с актёрами, работавшими в театрах. Дирекция театра, подписывая договор, особо оговаривала, что «данному артисту разрешается сниматься в картине в свободное от основной работы время». Это было жёсткое условие: актёры могли сниматься только в отсутствие репетиций, спектаклей с их участием и в праздничные дни. Они прилетали на 2–3 дня, а не на более длительный срок, позволивший бы снимать целиком сцены в декорациях или на натуре. Героев было много и очень сложно было соединить актёров всех вместе, тем более – вывезти в Сибирь или даже на Северный Урал. Было принято решение снимать фильм в местных условиях, воссоздавая атмосферу дикого края. Когда же потребовалось снять кадры осуществлённой мечты Прохора Громова – как идут по Угрюм-реке пароходы, – я послал кинооператора, художника, администратора и второго режиссёра в Пермь. Они подготовили обычный пароход, курсирующий по Каме, на борту крупно написали «Прохор Громов» и сняли этот кадр. Он возникал на экране, создавая впечатление достигнутых Прохором Громовым успехов. Вот такие приходилось делать фокусы.

Недалеко от нашего города протекает река Чусовая – довольно узкая и неглубокая, но удивительно красивая. Берега её возносятся к небу скалами, которые ещё в старое время назывались «бойцами». Когда весной проходил сплав металлоизделий с заводов властителей этого края Демидовых, специ-

ально строились барки для перегона на Каму. Летом было бездорожье, поэтому зимой по санному пути на лошадях изделия и металл развозились по берегам Чусовой. В деревнях стояли маленькие заводы и запруды на прудах. Весной, когда уходил лесосплав, одновременно открывались все запруды, поднимался уровень воды, вода шла быстрее и барки часто бились об утёсы, отчего ещё у Мамина-Сибиряка они получили название «бойцов». В этих местах мы снимали очень много. Кроме того, снимали на озере Таватуй и на озере Шарташ – прямо в черте города. Именно там снят эпизод путешествия нашего героя и его верного спутника Ибрагима в большой сибирский город, когда они идут по тайге и по льду реки, подвергаясь опасности. Многое там было снято, вплоть до охоты на лося и окружения волков. Короче говоря, выкручивались...

Поскольку действие фильма происходит в уездном городке, мы выбирали в Свердловске какие-то сохранившиеся старые улочки, отдельные здания. Есть здесь дом купца Железнова, выстроенный в псевдорусском стиле. Внешне его вполне можно было снимать, правда, пришлось закрывать асфальт. К удивлению прохожих, мы устилали большой участок улицы специально заказанными резиновыми пластами в виде булыжника, по которым ехал экипаж с нашими героями. Снимать было трудно: везде асфальт, столбы освещения, троллейбусные лини, провода, но, тем не менее, мы находили места. Были ещё такие в городе. И сейчас сохраняется немного, хотя Свердловск очень и очень изменился в последние годы в сторону урбанизации и размаха. Высотные здания пошли и огромное количество – поток машин.

Для «романа страстей» нам необходимы были и соответствующие актёры. Очень большие трудности были с выбором главного героя. В первых кадрах он появляется на экране гимназистом, а заканчивает фильм уже матёрым человеком, немножко сумасшедшим. Мы перепробовали множество молодых людей из Москвы Ленинграда, Киева. Роль была хороша, и отказов почти не было. Но всё это была современная молодёжь, которая могла изобразить такую «правдочку» жизни на уровне: «Дай закурить!». Это исполнялось легко и привычно. А когда нужно было показать взрывной темперамент, всплеск эмоциональный, тут многие становились беспомощными: махали ручками, срывались голосом и просто не могли ничего понять. Несмотря на труднейший поиск, мы всё-таки нашли героя.

На наше счастье им стал Георгий Епифанцев – артист из МХАТа, который до этого сыграл довольно неплохо в фильме «Фома Гордеев» по пьесе А.М.Горького.

Сначала выбор пал на Владимира Гусева из Театра киноактера – артиста с хорошей внешностью, хотя актерски и послабее Епифанцева. Начались натурные съёмки, и в сцене, где нужно было спрыгнуть с небольшого утёса, Гусев прыгнул неудачно, сломал ногу, и врачи сказали, что он длительное время не сможет сниматься. Чувствуя вину перед ним, мы обратились на телевидение с просьбой продлить сроки. Нам категорически отказали, объяснив, что картина нужна к определённому сроку. Пришлось брать другого актера. И место Гусева прочно занял Епифанцев. Он был человеком богато одарённым: писал картины, сочинял стихи – в общем, интересный человек и очень был расположен работать.

На этой картине состоялась и моя первая встреча с Людмилой Чурсиной, с которой мы потом ещё не раз работали на других фильмах. В своё время она слыла неким эталоном русской женщины: красивая, молодая, убедительная и хорошая актриса. Людмила только что снялась в фильме «Чужая кровь» на Ленфильме и очень мне понравилась внешне: и юность в ней была, и свежесть, и рост, и фигура. Когда я писал сценарий, читая и перечитывая роман, я, кроме неё, в этой роли никого другого не представлял. Мы пригласили её на кинопробы. Они очень понравились. Она подкупила всех простотой, отсутствием зазнайства, капризов, юмором и своей ответственностью. Мы много разных актрис на эту роль пробовали – и молодых, и уже более опытных, но лучше её не было никого.

В театре Людмила тогда ещё не работала – числилась в актёрском штате «Ленфильма». Она охотно согласилась сниматься, но у неё была в то время очень маленькая актёрская ставка и она попросила нас ходатайствовать об её повышении. Мы обратились в Комитет, но там отказали. Я признался Людмиле, что лично для меня её отказ от съёмок будет огромной потерей: у меня просто нет альтернативы. Кончилось тем, что я сказал: «Людмила! Я вас утверждаю на роль, и мы надеемся, что вы нигде в это время сниматься не будете и по любому нашему приглашению бу-

дете прилетать на съёмки». Она согласилась. Мы работали очень дружно. Людмила моментально вошла в контакт со всей группой – с гримёрами, с художником по костюмам. Чувствовалось, что она – человек свой, заинтересованный. Вся группа её полюбила с первого съёмочного дня. А ведь бывали случаи, когда актрису группа с первого дня начинала просто ненавидеть за её характер.

Когда картина была закончена и принята всеми инстанциями, Людмиле Чурсиной – молодой актрисе, – минуя присвоение званий «заслуженного артиста», «народного артиста республики», сразу присвоили звание народной артистки Советского Союза. Редчайший случай в истории кино!

Кстати, на другом нашем фильме, «Приваловских миллионах», где Чурсина играла Зосю Ляховскую, произошло следующее. Изначально мне хотелось, чтобы актриса была помоложе, и я приглашал на пробы множество актрис из Москвы, Питера, Киева, но ни одна из них не устраивала. Пригласил и Люду. Она сказала: «Знаете, мне кажется, я немного старовата для этой роли, но если вы хотите попробовать, – пожалуйста». И она сразу создала на пробах такой образ, что убедила всех, что именно она должна сыграть эту роль.

Я уже говорил об её ответственности... На «Приваловских миллионах» снимали сцену охоты на поле возле озера Таватуй. Мы не смогли снять её сразу по погодным условиям, и пришлось ждать целый год, чтобы снова вернуться к съёмкам. Люда должна была скакать на лошади. Дамы в то время ездили верхом в специальных сёдлах – с ногами по одну сторону лошади. В Ленинграде для Людмилы наняли тренеров, и она научилась это делать великолепно. Когда приступили к съёмкам этой сцены, кто-то из актёров смог прилететь только на два дня. Мы приехали на Таватуй, привезли аппаратуру, расположились, приготовились. И вот наступил день съёмки. Когда проснулись, шёл дождь, всё небо было обложено тучами. День пропал.

Утром меня разбудил второй режиссёр: «Беда, ничего не получится: опять сплошные облака и мелкий дождь...». Я сказал: «Всё равно, приготовиться к съёмке!». Мы выехали на натуру: пронизывающий ветер, дождь, солнце то скрыто совершенно, то плотная занавесь на две-три минуты приоткрывается, и лучи солнца освещают землю. Начали съёмки. Обстановка нервная. Выбрали участочек дороги через лес к озеру. Люда скакала на лошади. Нам приходилось делать очень много дублей, а ей – проездов. Это было крайне утомительно. Снимали с автомобиля, а она скакала на расстоянии трёх метров от машины. Я страшно боялся, что лошадь поскользнется, актриса упадёт, получит травму, но всё обошлось. Причём, Люда беспрекословно это всё делала и только где-то уже в середине съёмок подошла ко мне и, стуча зубами, сказала: «Ярополк Леонидович, вы меня извините, но я больше просто физически не могу, настолько промёрзла и устала». Я говорю: «Ну что делать, Люда, давайте быстренько снимайте костюм! Девочки, – попросил я своих помощниц, – давайте горячего чаю. Может, у кого-то найдётся рюмоч-

ка коньяка, чтобы немножко взбодрить её и уберечь от простуды. Будем снимать дублёршу – кого-нибудь из наших девочек». «Нет! – воскликнула Людмила, – Я сама!». Села на лошадь и снова несколько часов съёмки. И мы сняли эту сцену. Хорошее было время работы с ней...

Нам нужен был артист на роль Ибрагима-Оглы – ссыльного кавказца, беззаветно преданного молодому хозяину и спасшего его от смерти. Убив Анфису, Прохор предаёт Ибрагима, свалив на него свою вину. Должен отметить, что эта сцена запала в души многих молодых ребят. У нас в Свердловске жила семья: папа – профессор, мама – современная дама, – мало занимавшаяся воспитанием сына, который попал в неблагополучную среду, рос грубоватым и циничным. Этот парень посмотрел картину и, когда мы с ним встретились, он всё время твердил: «Ну как он мог!». Прямо со слезами на глазах, со скрежетом зубов: «Ну как он мог предать Ибрагима, как это можно?!». Это повторилось и в Москве. В одной семье подросток, уже немного поражённый бациллами ксенофобии по отношению к кавказцам, – тоже мучительно переживал эту самую сцену: «Как можно предать достойного человека, который был тебе абсолютно предан?!».

На роль Ибрагима-Оглы мы взяли артиста Гиви Тохадзе из актёрского штата студии «Грузияфильм». Он был там как-то незаметен. Немного снимался в грузинских фильмах, но не имел авторитета и признания. Гиви охотно согласился на эту роль. В это время он снимался в каком-то другом фильме, оставалось доснять на том фильме совсем немного, а нам он нужен был бритый. Несмотря на это мы начали съёмки. Надевали на него папаху, скрывая волосы. При этом мы все его буквально «доставали» вопросами: «Гиви, ну, когда, когда?!». И вот однажды он приехал и сказал: «Всё. Можете брить». И как-то эта роль на него легла, сыграл он хорошо. Ему даже хотели дать премию на фестивале телевизионных фильмов в Ленинграде, но фильм в итоге получил только диплом за лучшую экранизацию.

В «Угрюм-реке» были заняты и свердловские актеры. В частности, Константин Петрович Максимов – один из лучших артистов нашей драмы. Он снялся в небольшом, но ярком эпизоде. Как-то я показал материал Сергею Аполлинариевичу Герасимову, который часто приезжал в Свердловск по делам: был членом Верховного Совета от нашей области. Я всегда старался заполучить его на студию, чтобы показать материал – не обязательно свой, но и других режиссёров. На просмотре Герасимов, как мне показалось, задремал: устал после перелёта. И вдруг, когда пошёл эпизод с Максимовым, он словно очнулся: «Кто это? Откуда?». Он был очень заинтересован: «Блестящий эпизод, хороший артист!».

После того, как был снят телевизионный вариант фильма, директору студии предложили сделать для кинотеатров общеэкранный вариант в двух сериях. Директор обратился ко мне. Я ответил, что мне это не интересно. «Я не очень представляю, как можно фильм «ужать» без потерь. Если для студии это необходимо, то, конечно, можно сделать». Он сказал, что студии это тоже не нужно: возни будет много, а денег больших не даст». Мы отказались. А через некоторое время фильм вышел на экраны в полном объёме и прошёл по стране.

Фильм «Угрюм-река» имел огромный успех у зрителей. Приходило огромное количество писем из самых разных мест, из наших братских республик, из-за границы. У меня до сих пор хранится часть зрительских откликов, которые приходили на мой адрес и в адрес Центрального телевидения. А приходило их огромное количество, порой очень трогательных! Были и официальные: из какого-то города пришла заверенная телеграмма от депутата местного Совета, который настоятельно просил повторить показ такой-то серии, поскольку у них в этот день не было электричества и рабочий класс просит повторить. Такого содержания было очень много разных писем...